

Научная статья

УДК 398.83(=351.42)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-1-30-44

МОТИВ СВОБОДЫ В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ ИЛИ

В. Ш. Расумов¹, Л. М. Довлеткиреева²

¹Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова,

Грозный, Россия

e-mail: vakha66@mail.ru

²Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова,

Грозный, Россия

e-mail: dlida@inbox.ru

Аннотация. Исследование лирических песен *или*, которые авторы статьи выделяют в отдельный поджанр лиро-эпических песен *или*, представляет собой значимый вклад в изучение чеченского фольклора, раскрывая их культурное, историческое и художественное значение. В условиях глобализации, где культура подвергается быстрым изменениям, такие исследования становятся необходимыми для сохранения национальной идентичности. Основной целью работы является всесторонний анализ содержания, художественной формы и культурно-исторического контекста песен *или*, а также выявление их роли в передаче национальных ценностей и памяти.

Песни *или*, как важный исторический источник, отражают не только важные события, такие как Кавказская война и депортации, но и психологическое восприятие чеченского народа этих исторических катаклизмов. Они укрепляли дух противостояния социальному угнетению, выражая протест народа и его стремление к справедливости.

Песни *или* стали уникальным способом сохранения культурной памяти, воспитания чувства гордости за народ и его традиции, а также формирования национальной идентичности.

Основной метод исследования – систематизация и анализ фольклорного материала, который реализован с помощью лингвистического, сравнительного, семиотического, психологического и культурологического подходов, что позволило проанализировать песни *или* как форму протеста, средство выражения коллективных переживаний и борьбы за свободу. Новизна исследования заключается в глубоком анализе песен не только как исторических свидетельств, но и как культурных и художественных феноменов. Особое внимание уделено символике и аллегориям, раскрывающим народные стремления и переживания.

Результаты работы подчеркивают важность сохранения жанра песен *или*, включая создание цифровых архивов для распространения и сохранения этого культурного наследия. Перспективы дальнейших исследований включают углубление историко-культурного контекста, создание теоретической основы чеченской народной поэтики, а также проведение сравнительного анализа с фольклором других народов Кавказа. Важным аспектом будущих исследований является использование песен в образовательных и культурных проектах для формирования у молодежи чувства связи с историей и культурой своего народа.

Ключевые слова: чеченский фольклор; или; лирические песни; мотив свободы; народное творчество; художественная символика; социальный протест; историческая память; национальная идентичность; культурное наследие

Для цитирования: Расумов В. Ш., Довлеткиреева Л. М. Мотив свободы в чеченских народных лирических песнях или. *Эпосоведение*. 2025;1(37):30–44. <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2025-1-30-44>.

Original article

Freedom motif in Chechen folk lyric songs of *illi*Vakha Sh. Rasumov¹, Lidiya M. Dovletkireeva²¹ A. A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

e-mail: vakha66@mail.ru

² A. A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

e-mail: dlida@inbox.ru

Abstract. The study of lyrical *illi* songs, which the authors of the article identify as a separate subgenre of lyric-epic *illi* songs, represents a significant contribution to the study of Chechen folklore, revealing their cultural, historical and artistic significance. In the context of globalization, where culture is subject to rapid changes, such studies become necessary for the preservation of national identity. The main goal of the work is a comprehensive analysis of the content, artistic form and cultural-historical context of *illi* songs, as well as identifying their role in the transmission of national values and memory.

Illy songs, as an important historical source, reflect not only important events such as the Caucasian War and deportations, but also the psychological perception of the Chechen people of these historical cataclysms. They strengthened the spirit of resistance to social oppression, expressing the people's protest and their desire for justice.

Illy songs have become a unique way of preserving cultural memory, fostering a sense of pride in the people and their traditions, and forming a national identity.

The main research method is the systematization and analysis of folklore material, which is implemented using linguistic, comparative, semiotic, psychological and cultural approaches, which allowed us to analyze *illi* songs as a form of protest, a means of expressing collective experiences and the struggle for freedom. The novelty of the study lies in the deep analysis of songs not only as historical evidence, but also as cultural and artistic phenomena. Particular attention is paid to symbolism and allegories that reveal people's aspirations and experiences.

The results of the work highlight the importance of preserving the genre of *illi* songs, including the creation of digital archives for the dissemination and preservation of this cultural heritage. Prospects for further research include deepening the historical and cultural context, creating a theoretical basis for Chechen folk poetics, and conducting a comparative analysis with the folklore of other peoples of the Caucasus. An important aspect of future research is the use of songs in educational and cultural projects to form a sense of connection with the history and culture of their people in young people.

Keywords: Chechen folklore; *illi* song; lyrical songs; freedom motif; folk art; artistic symbolism; social protest; historical memory; national identity; cultural heritage

For citation: Rasumov, V. Sh., Dovletkireeva, L. M. The motif of freedom in Chechen folk lyrical songs *Illli*. *Epic studies*. 2025;1(37):30–44 (in Russian). <https://orcid.org/10.25587/2782-4861-2025-1-30-44>.

Введение

Изучение устного творчества горских народов издавна привлекало внимание ученых. В трудах кавказоведов, таких как П. К. Услар [1], А. П. Берже [2], Н. Е. Иваненков [3], А. П. Ипполитов [4] и Н. Ф. Яковлев [5], впервые были представлены образцы чеченской народной поэзии. Однако их исследование, как правило, ограничивалось общими характеристиками или кратким описанием отдельных фольклорных жанров.

Запись чеченского фольклора началась, согласно источникам [1], в XIX в. Среди исследователей этого периода выделяются А. П. Берже [2], Г. А. Вертепова [7], Б. К. Далгат [8] и др.

К середине XIX в. к сбору и анализу фольклора активно подключились и чеченские и ингушские этнографы, такие как И. Цискаров¹, У. Л. Лаудаев [9], Т. Э. Эльдарханов [10], Ч. Э. Ахриев [11].

¹ Цискаров И. Д. Записки о Тушетии // Кавказ. 1849. № 7, 8, 10–13.

Особенно важны записи П. К. Услара [12], включающие песни о храбре Умахане и анекдоты о Мулле Насреддине. Также заслуживают внимания переводы и публикации И. Д. Цискарова в газете «Кавказ»².

Труды У. Л. Лаудаева («Чеченское племя») [9] и Т. Э. Эльдарханова (сборники сказок и рассказов) [10] способствовали сохранению и систематизации чеченского фольклора.

Работа по сбору и изучению народного творчества получила новый импульс в 1920-х гг. Например, сборник А. Дж. Шерипова «Из чеченских песен» [13] включает произведения «Абрек Геха», «Асир» и «Юсуп, сын Мусы» и является библиографической редкостью. Сборник А. И. Нажаева, С. И. Ибриева «Чеченские песни» [14] представил уникальные образцы устного творчества.

В 1938 г. был издан сборник «Поэзия Чечено-Ингушетии» [15], включающий переводы героических и лирических песен.

Во второй половине XX в. чеченские фольклорные образы, мотивы и сюжеты активно использовались такими писателями, как С.-Б. А. Арсанов [16], С. С. Бадиев [17], М. А. Мамакаев [18] и Х. Д. Ошаев [19]. В своих произведениях они обращались к лирическим песням илли, которые исполнялись народными певцами или самими героями, чтобы глубже раскрыть их внутренний мир и передать душевное состояние как отдельных персонажей, так и всего народа.

В 1981 г. в своей диссертации известный чеченский фольклорист И. Б. Мунаев [20] рассматривает жанрообразующие признаки илли и своеобразие поэтических приемов и изобразительно-выразительных средств, идейное содержание и композиционную структуру, а также проблему героя илли. На наш взгляд, это одно из первых исследований, в которых жанр илли был подвергнут глубокому и всестороннему анализу, данная работа внесла существенный вклад в изучение жанров чеченского устного поэтического творчества.

Также в 2008 г. О. А. Джамбековым была защищена еще одна диссертация, посвященная исследованию героико-исторических песен илли, под названием «Жанровые и поэтические особенности чеченских героико-исторических песен илли» [21]. В своем труде автор классифицирует жанр илли на три поджанра: героико-исторические, героико-эпические и лиро-эпические. Однако в научных исследованиях по данной теме четкие границы между этими поджанрами, как правило, не проводятся. В диссертации рассматриваются героико-исторические песни, отражающие важные события, сохранившиеся в народной памяти.

Следует отметить, что чеченцы называют илли песни, исполняемые мужчинами. Их содержание значительно отличается от девичьих лирических песен, известных как «йиш» (в единственном числе) и «эшарш» (во множественном числе). В песнях илли воспеваются любовь к Родине, героические поступки народных защитников и значимые исторические события. В отличие от них, девичьи лирические песни посвящены чувствам девушки к возлюбленному, сложной женской доле и другим аспектам женской жизни. Исполнение илли традиционно было исключительно мужской прерогативой, тогда как лирические песни исполнялись женщинами.

«Чеченское устное народное творчество» О. А. Джамбекова и Т. Б. Джамбековой также является важным трудом, благодаря которому жанры чеченского фольклора получили широкое научное освещение [22; 23].

Чеченский фольклор впечатляет богатством жанров. Их изучение остается актуальным и не до конца разработанным как с позиции поэтики, так и в сопоставлении с эпосами других народов Кавказа.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что жанр илли, исходя из его тематики и содержания, классифицируется исследователями И. Б. Мунаевым и О. А. Джамбековым на три группы: героико-исторические песни илли, героико-эпические песни илли и лиро-эпические песни илли.

² Там же

В данной статье выдвигается гипотеза о том, что отдельные песни, традиционно рассматривавшиеся как лиро-эпические, вследствие практически полного отсутствия сюжета, могут быть выделены в отдельный поджанр лиро-эпических песен или – лирические песни или. Эти произведения исполнялись мужчинами как во время боевых действий для поднятия боевого духа чеченских воинов, так и в мирные периоды, когда народ ожидал от певца выражения любви к Родине через лирическое песнопение.

Важно отметить, что лирические песни или отличаются от *узама*. Узам представляет собой тихий, едва слышный напев, исполняемый в уединении, когда человек оставался наедине со своим горем или предавался воспоминаниям о пережитых событиях. В отличие от него, лирическая песня или исполнялась перед народом, ее слова вдохновляли слушателей и поднимали их на борьбу за родные земли.

Существует предание о том, что в XIV в., находясь на Кавказе, Тимур не смог ни победить, ни договориться с чеченцами. Тогда он сказал: «Пока у них есть дечиг-пандур, мы не сможем их покорить»³. Это свидетельствует о том, что народные певцы с помощью своих песен вдохновляли воинов, защищавших Родину.

В данной статье акцент сделан на анализе лирических песен или. Чеченские народные лирические песни или представляют собой традиционные произведения, не связанные с обрядами. Они служат для передачи внутреннего мира человека, его эмоциональных переживаний и отношения к социально-бытовым реалиям.

Их основные особенности:

1. Отсутствие сюжета: лирические или не описывают конкретные исторические события;
2. Эмоциональная глубина: песни выражают переживания героя, его надежду на лучшее будущее, отличаются повышенной эмоциональностью;
3. Особенность исполнения: лирические или исполнялись мужчинами, преимущественно без музыкального сопровождения.

Наша цель – выявить поджанровые особенности лирических песен или через анализ их мотивов, поэтологических особенностей и других характерных черт.

Лирические песни или: голос души и свободы чеченского народа

Лирические песни или, в отличие от обычных лирических песен, исполнялись мужчинами, в основном без сопровождения музыкальных инструментов.

Чеченская лирическая песня выражала богатство чувств народной души с ее печалью и радостями, вызванными определенными историческими событиями, тяжелой жизнью народа, любовью горцев к свободе и ненавистью к царским колонизаторам и к своим, национальным, угнетателям.

Песни, рисующие тяжелое, бесправное положение чеченского народа, являются художественной историей чеченцев в широком смысле этого слова, но тем не менее их трудно отнести с достоверностью к определенным, широко известным историческим событиям. Они отличаются тем, что не столько описывают внешнюю сторону события, сколько раскрывают его изнутри, в переживаниях.

«Песня о Турпале Нахчо» ярко отражает попытку народного певца художественно осмыслить исторический путь чеченского народа. А. П. Берже обратил на это внимание, написав: «...чеченцы до сих пор называют себя нахчо. Кроме того, имя Турпала Нахчо сохранилось в старинной чеченской песне, глубоко передающей дух удальцов, преданных своей родине и независимости» [2, с. 128].

В его очерке песня приведена в русскоязычном переводе: «Неохотно приближаешься к старости, неохотно удаляешься от молодости. Не хотите ли, добрые молодцы, сыны Турпала

³ Записано в 2013 г. В. Ш. Расумовым со слов Мукаевой Сациты (1944 г.р.), жительницы селения Чечен-Аул Грозненского района Чеченской Республики.

Нахчо, я спою вам нашу родную песенку: как искры сыплются от булавы, так мы рассыпались от Турпала Нахчо.

Родились мы в ту ночь, когда от волчицы родятся щенки, имена нам даны были в то утро, когда ревел барс; такими произошли мы от праотца Турпала Нахчо. Когда на небе нет туч, тогда и дождь не идет, так и у нас, когда нет думы на сердце, то и глаза не плачут. Если душою не положитесь на Бога, то и в деле не успеете. Не утратим славы имени отца нашего Турпала Нахчо» [2, с. 129]. Мотив происхождения от волчицы относит песню к жанру этногонического мифа о происхождении чеченского народа.

Песня также вышла на французском языке в переводе того же автора [24, с. 138–139].

Исторически данное произведение фольклора отвечало чувствам чеченцев, чье освободительное движение было жестоко подавлено в середине XIX в. В нем в метафорическо-аллегорической форме сказитель сформировал образ свободолюбивого, сильного, отважного народа, который не будет покорен никогда, т. е. песня была нацелена на то, чтобы поддержать дух горцев, их веру в себя и свои силы. Следует отметить и другое: религиозный мотив, проникший в песню («Если душою не положитесь вы на Бога, то и в деле не успеете»), подчеркивает веру чеченского народа во Всевышнего. А. П. Берже отмечает, что в то время, когда возникла эта песня, т. е. до имама Шамиля, «духовенство в Чечне далеко не пользовалось тем влиянием, каким оно вообще пользуется на мусульманском Востоке» [2, с. 84]. На наш взгляд, это утверждение не вполне соответствует исторической действительности. Достаточно вспомнить борьбу кавказских народов против царизма под предводительством Шейх-Мансура (Ушурмы) в 1785–1791 гг.

Историк З. А. Тесаев в своей статье «Турпал-Нахчо (XII – начало XIII в.)» отмечает, что «Турпал-Нахчо во 2-й половине XII в. возглавил антифеодальное движение чеченцев, бежавших в горы от гнета и произвола феодалов...» [25, с. 82]. Тем самым исторически установлена связь с прототипом героя, который послужил типизации образа чеченского молодца в песне.

Как отмечает А. П. Берже, «эта песня даже в переводе не могла утратить оригинальности и безыскусственной простоты, которыми отличаются все подобные памятники народной старины» [2, с. 129]. Однако, поскольку автор не приводит оригинальный текст, есть основание предположить, что перевод на русский язык мог быть выполнен с некоторыми неточностями.

Противопоставление раба и свободного горца

Позднее, в эпоху борьбы чеченского народа с феодалами соседних областей, пытавшимися закабалить вольных горцев, рождаются песни, проклинающие князей и покорившихся им рабов. Почему же проклинают рабов?

Лай (чеч.) – раб – величайшее оскорбление в лексиконе чеченцев. К рабам в Чечне относились, как к презренным существам, которые предпочли жизнь на коленях смерти благородной.

В каких условиях чеченцы противостояли царской власти, в метафорической форме изображено в рассматриваемом произведении:

Мы родились той ночью,
Когда щенилась волчица,
А имя нам дали утром,
Под барса рев заревой
А выросли мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедною головой... [26, с. 99].

Первые две строки символизируют рождение храбрецов. Сравнение с волком традиционно для чеченского эпоса. Волк отличается дерзостью, отвагой, он идет на того, кто сильнее его. Темной ночью он не боится бродить вокруг аула, охотясь, хотя ему угрожает ежеминутная гибель... Оказавшись в беде, волк проявляет отвагу, ловкость. Погибая, он демонстрирует

стойкость. Эти качества высоко ценятся в народе. О ночных подвигах героев весть разлеталась утром, поэтому, видимо, имя дали «под барса рев заревой». Таких смельчаков, как свидетельствует песня, не могли одолеть князья. Ибо герои были убеждены:

Как ястреба перья, уступы
 Рыжеют, кровью покрыты,
 Мы камни на них уроним,
 Но честь уронить нам нельзя.
 И мы никогда не сдадимся,
 Накинем ветер, как бурку.
 Постелью возьмем мы камни.
 Подушками – корни сосны... [26, с. 99].

В песне жизнь борца изображается как тяжелое испытание, где мягкая постель заменяется холодным камнем, пуховая подушка – корнями сосны, а бурка – пронизывающим ветром. Впереди его ждет непримиримая, ожесточенная борьба с ненавистными князьями – битва не на жизнь, а на смерть. Образная насыщенность лирических песен передает накал чувств горцев, призвана оказать мощное воздействие на слушателя, взволновать его и сподвигнуть на героические поступки во имя родной земли. Для этого, как видим, используются орнитологические и артефактные сравнения: уступы сравниваются с перьями ястреба, а ветер с буркой. Ветер – символ вольной жизни и бурка как элемент национального костюма горца; хищная, а значит, свободная птица ястреб; вертикально-ландшафтные символы (уступ, камни) – все эти образы насыщают текст необходимой возвышенной коннотацией и формируют потенциал читательского восприятия.

И можно понять народного певца, который для князя-угнетателя нашел самый отвратительный символ в чечено-ингушской поэзии – образ собаки, а его отпрыску – княжичу – высказывает выразительное пожелание: «Пусть из норы не вылезет щенок, пусть из колыбели не встанет княжич» [27, с. 130].

Беспросветная жизнь, конечно, не в силах была убить мечту народа о свободе, о справедливом устройстве человеческого общества. Среди произведений, выражающих бесправие народа, есть лирические песни илли, которые сквозь тьму жестокой действительности пронесли мечту о светлом будущем.

Люди, затаив дыхание, слушали песни узника, заточенного в тюрьму царскими властями за любовь к свободе, к жизни:

Да вися хъан делаI, ва мерза ва дуьне,	Пусть живет твой отец, о сладкий мир,
Хьо диънарг мила ву бохуриг ва хилла?	Кто тобой наслаждался, радуясь
[27, с. 211]	исполнившемуся желанию? ¹

Затем песня раскрывает внутреннее состояние узника, символизирующее весь чеченский народ, который царские генералы пытались загнать в «каменный мешок», изолировать от цивилизованного мира:

Пусть умрет твой отец, о чуткое сердце,
Когда тебе весело, ты, подобно льву приподнявшись,
Словно дитя сестры, нежно ластишься!
Когда у тебя горе, ты, подобно печальной сироте,
Готово пригнуться, приунуть, а затем,
Подобно свирепому медведю,
Готово разъяриться, о чуткое сердце! [27, с. 211]

Образное противопоставление двух различных состояний человеческого сердца помогает обнажить внутренний мир людей, их переживания, особенности социальных отношений той эпохи.

М. Дж. Дикаев, обращая внимание на сравнение, «обласканное сердце балуется, как ребенок сестры» [28, с. 80], связывает его с пережитками матриархата, указывая на высокую значимость родства по материнской линии в жизни чеченского народа. Однако важно подчеркнуть, что эта песня скорее демонстрирует глубокое уважение чеченцев к родственникам, а не пережитки матриархата, и специфику внутрисемейных и родственных взаимоотношений. Чеченский народ всегда проявлял почтительное отношение ко всем женщинам. Вспоминается пословица: *Мехкарийн сий доццохь, къонахий кхуьур бац* 'Где нет уважения к девушкам, там не вырастут джигиты'. Образ матери, хранительницы домашнего очага, в чеченском фольклоре всегда изображается с величайшим почтением и уважением.

До сих пор к родственникам по матери, родственникам жены чеченцы относятся с особенным уважением и любовью. У чеченцев есть даже притча о том, что юноша, бежавший от преследуемых кровников, спокойно заснул у дяди по матери. В чеченском языке имеются безэквивалентные видовые лексемы, в которых четко дифференцировано родство по матери и отцу, т. е. все родственники (тети, дяди, бабушки, дедушки, двоюродные и троюродные сестры и братья) именуются сложными словами, в которых первым корнем является указание на линию родства – по матери или отцу, например: *дейиша, деца* – сестра отца (тетя по отцу), *ненайиша (неца)* – тетя по матери и т. д. Родственники по отцу более строги, потому что именно на них возложена ответственность за ребенка в чеченском обществе, родственники по матери более мягки и ласковы, потому что на них этой ответственности нет. Эти особенности чеченских внутрисемейных взаимоотношений отражает и пословица: *Дейиша – дера ча, ненайиша – меза Iайг*, что буквально переводится как: «Тетя по отцу – разъяренная медведица, тетя по матери – ложка меда».

Эти примеры говорят о том, что образ в лирической песне создается с помощью эмоциональных художественных средств, являющихся продуктом взаимодействия национального сознания и быта.

Разъяренное сердце подобно свирепому медведю. «В медведе горцев заинтересовал тот момент, когда медведь, став на дыбы, лезет на противника. Конечно, им удалось подметить самый интересный момент», – заключает П. К. Услар [1, с. 10].

Гнев сердца – это своеобразный протест против притеснителей, выраженный, на первый взгляд, в самых безобидных для царизма словах. Но если глубже вникнуть в их смысл и поэтику, то можно услышать, как бурлят в них волны народного гнева.

Народная песня правдиво раскрывает жестокий характер «царского времени», подробно описывает его отрицательные черты:

Пусть умрет твой отец,
О царское время,
Ты лишаешь нас свободы
На земле отцов!
О как ненавистно ты,
Царское время,
Мужественным молодцам,
Правдивым сердцам!
Всех славных молодцев
Ты гонишь в Сибирь,
Тем, кто много клеветает,
Ты много земли даришь,
Слабым и бедным
Ты даришь несчастье... [29, с. 228]

В этой песне царское самодержавие изображается с позиции беднейших, притесняемых слоев народа. Важно заметить в песне и последовательное противопоставление людей по классовым признакам. С одной стороны, свободолюбивые сыны Отчизны противопоставляются внешним врагам – царским колонизаторам, с другой стороны, внутри чеченского народа сказитель различает бедных крестьян и крупных землевладельцев, мужественных молодцов и клеветников, сочувственно описывая одних, выражая ненависть к другим.

Чеченские лирические песни передают глубокое чувство несправедливости царского времени. В их строках отражается жизнь, где богатые и могущественные землевладельцы наслаждаются привилегиями, а бедные правдоискатели томятся в тюрьмах, ожидая своего часа. Это время клеветы и угнетения, но также и надежды на перемены.

О том, как народ страстно ждал новой эпохи, рассказывает чеченская лирическая песня:

Есть рыба, говорят, одна,
Осталась без воды она.
Была бы ей вода дана,
Наверно, плавала б она.
Есть ветка, говорят, одна,
Без листьев зыблется она.
Когда бы листья дали ей,
Она б качнулась веселей.
Есть птица, говорят, одна,
Без крыльев в горести она.
Когда б ей дали два крыла,
Лететь бы вдаль она могла.
Нам, молодцам, еще грустней:
У нас ведь нету нужных дней.
Когда б нам дали нужный год,
Мы все б отправились в поход» [30, с. 70].

Эта песня дает пример классического многочленного параллелизма, представляющего «рифмовку по смыслу», которая с особой силой подчеркивает переживания человека и ярко раскрывает социально-бытовую проблематику.

Образы рыбы без воды, безлистной ветки, бескрылой птицы выражают думы и чаяния угнетенного народа и имеют аллегорический смысл, призванный показать жизнь и чувства горцев в условиях несвободы.

Протест и мечты о свободе

Тяжелая и беспросветная жизнь под гнетом царизма вынуждала горцев искать пути к ее облегчению. Ужесточение царского режима, особенно после завершения Кавказской войны, заставило часть чеченцев, включая карабулакское племя, поверить провокационным заявлениям врагов народа. Они утверждали, будто в единоверной Турции чеченцев ждет почти райская жизнь.

В 60-х гг. XIX в. многие чеченцы, стремясь к своим единоверцам, искренне надеялись найти в султанской Турции приют и поддержку, видя в ней милостивую мусульманскую страну. Однако вместе с этим их терзали сомнения: горцы боялись утратить связь с родной землей, которая уже пережила столько страданий, и не найти счастья на чужбине.

Народная песня сравнивает время переселения с Судным днем:

Мусульманский царь зовет нас к себе,
Царь русский – остаться просит!

Без огня и ветра Чечня запылала:
Огнем был Алхасов Муса,
Вихрем подул Османов Садулла.
Пророчили муллы нам страшный суд;
Мы видим: родные бросают родное....
Вот он, день Страшного суда! [31, с. 274]

Султанская Турция стала для чеченцев подобием черствой мачехи, не принявшей блуждающих пасынков. При первой же возможности многие возвращались на Родину, делясь в песнях своими рассказами о горьких скитаниях на чужбине. Эти песни были полны тоски и любви к отчему краю. Особенно ярко это настроение передает песня, опубликованная в «Сборнике сведений о Терской области» в 1878 г.:

Птицы крылатые, летите вы в Гехинчу!
Гехинскому народу поклон снесите и скажите:
«В ночном сумраке родных лесов
Унылый крик филина заслышав,
Пусть вспомнят о нас, без поста и молитвы
Бродящих на чужбине и не видящих исхода!
Бывало, волк холодной ночью воет,
Мы думали: он с голоду воет;
Нет, он от стада оторвался – вот причина!
Не походим ли и мы на этого волка,
Оторванные от Родины и родных могил?
За что Бог карает нас, как судно,
Шедшее в Мекку и разбитое бурей! [31, с. 275]

Участь, которая постигла переселенцев, можно выразить словами чеченской пословицы: «Избегавший воды под мельницу угодил», т. е. из огня да в полымя, одних притеснителей сменили другие, отчего жизнь переселенцев на чужбине стала еще более тягостной и невыносимой.

Переселенцы делятся своим горем с крылатыми, вольными птицами, которые имеют счастье долететь до родного Гехи. В песнях подобного рода обычно не указывается причина скитаний на чужбине, а все внимание сосредоточивается на отображении многочисленных тягот, переносимых героями. И заканчиваются они традиционной мыслью о том, что люди в этой жестокой действительности остаются с неисполнившимися желаниями.

Тема печальной жизни на чужбине раскрывается посредством наиболее эмоциональных символов. Переселенцы себя сравнивают с волком, который воет холодной ночью, оторвавшись от стада, с судном, шедшим в Мекку с добрыми надеждами и разбитым бурей. Особенно выразительными представляются в этих песнях развернутые сравнения.

С образом волка, оторванного от стада, в песне переселенцев перекликается образ одинокого оленя из другой чеченской песни, при создании которой проявилось высокое художественное мастерство народа. Это художественное творение еще раз свидетельствует о том, что чеченская народная лирика необычайно богата поэтическими сокровищами, которым свойственны природная изящность и глубокое содержание.

Образ оленя поэтизируется и в нем читается аллегория на жизнь молодых чеченцев, которые хотели бы жить в условиях свободы (что естественно для природы человека и зверя):

К бьющему из гор ледяному роднику,
Не опуская сухощавой головы, чтобы утолить свою жажду,

Не наполняя досыта свежей синей травой, поднявшейся
по краям чащи, воздержанный желудок,
Волчьей рысью бродя по лесным опушкам,
Сходя на дно ущелий, чтобы выпить нагретой воды,
Поднимаясь к горному хребту, чутко прислушиваясь,
Страшась меткой пули охотника,
О кремнистую скалу точа ветвь рога,
О чинаровый корень ударяя передней пятнистой ногой,
Поводя ушами, закидывая назад рога,
Спускаясь с лесных склонов, призывно ревя ланям.
Сколько оленей ходит, отбившись от ланей;
Разве мы одни томимся, молодцы, в мире, где не
сбываются желания! [27, с. 212]

Вся песня представляет собой одно сложное, распространенное однородными деепричастными оборотами предложение, которое последовательно раскрывает глубокую и неугасимую мечту чеченского народа о свободе и справедливом мире, где исполняются желания трудового народа.

В «Сборнике сведений о Терской области» отмечается, что чеченец – далеко не материалист, а мечтатель и даже поэт. В качестве примера приводится песня, в которой, по мнению автора статьи о чеченцах, тоска связана с невозможностью совершать воровские набеги. Однако такая интерпретация неверна. На самом деле песня повествует о трофейной добыче, что имеет совершенно иной смысловой оттенок.

Вот текст песни, приведенный в качестве примера:

Сотня мыслей мучает
Меня вечерами:
Долго ли все буду я
Только при желаньях?
Сотня мыслей мучает
Каждый день с рассветом!
Долго ли мне ждать еще,
И осуществятся ли
Мои ожидания?
Для лихих наездников
Пути все отрезаны:
Поставлен Чахкер-Кала
Преградой молодечеству...
Подумайте вы, молодцы,
Не пустеет ли свет! [31, с. 274]

Эти строки выражают внутренние терзания и размышления о невозможности осуществить традиционные для горцев подвиги, связанные с добычей трофеев. Песня не воспекает воровство, как предположил неизвестный автор этой записи в «Сборнике...», а говорит о лишении важной части жизни, которая была символом мужества и отваги.

Среди песенных сочинений выделяются и сатирические, обычно они начинаются заповедом. Н. Ф. Яковлев подчеркивает, что подобные заповеди обладают ярко выраженным бытовым и сатирическим характером. В качестве примера он приводит песню чеченца, сосланного на каторгу в далекую и холодную Сибирь. Вот её текст:

У наших друзей да будет в ауле любимая,
 У недругов да будет в соседстве враг.
 Для нас да прозвучит тихая песня,
 Холодный вопль да раздастся в той синей Сибири!
 Внимайте рассказу, о молодые юноши,
 Кто рассказа не слушает, тому в бою удачи не будет.
 Если в бою удачи не будет, трусом сделается молодец.
 Если юноша станет трусом, он сядет за ученье,
 Если он сядет за книгу, он сделается муллой,
 Если он станет муллой, он возьмет красивую жену.
 Если он женится на красавице – будет гулять она с людьми.
 Если с людьми будет гулять, смерть грозит тебе неминучая...
 Чем умирать, не легче ли вам мою песню послушать! [5, с. 43]

Помимо сатирических песен, Н. Ф. Яковлев выделяет и лирические произведения (или), которые посвящены политическим событиям. Эти песни можно сравнить с газетными статьями, т. к. они нередко становились реакцией на конкретные исторические события. Например, одна из таких песен посвящена восстанию 1877 г. под предводительством Умы-Хаджи. Но в самом содержании песни историческое событие не описывается детально, в нем находят отражение чувства и переживания по поводу того, что оно было подавлено [5, с. 44].

По мнению Н. Ф. Яковлева, или (в т. ч. и лирические), если их тщательно собирать и изучать, представляют интерес не только для чеченцев, но и для широкой аудитории. Они имеют общелитературное и общечеловеческое значение [5, с. 45].

Врожденный оптимизм помогал народу не только рассказывать о своем горе, но и выражать протест против любых форм социального гнета. Песня призывала народ объединиться на борьбу с царским самодержавием:

Оповести ж, порхающая птица,
 Что царская меня сковала власть!
 Оповести ж, порхающая птица,
 Что этой власти в будущем упасть!
 Оповести ж, порхающая птица,
 Всем в общий путь пора направить шаг.
 Оповести, порхающая птица,
 Народ поднять свободный должен стяг!
 Оповести, порхающая птица.
 Что к делу славы все должны идти.
 Оповести, порхающая птица.
 Что правды свет на этом лишь пути! [27, с. 70]

Призывный тон песни, символ стяга как организующего начала убеждают в том, что она родилась в предреволюционный период.

Заключение

Чеченские народные лирические песни или представляют собой удивительный культурный феномен, который глубоко отражает эмоции, переживания и мировоззрение народа. Они передают трагедию исторических эпох, борьбу за свободу и независимость, а также надежды на справедливое и светлое будущее.

Лирические песни или выделяются своей эмоциональной насыщенностью, богатством символических, метафорических и аллегорических образов и вниманием к тонким оттенкам

внутреннего мира героев. Эти произведения не только сохраняют национальную идентичность и культурные ценности, но и служат мостом между прошлым и будущим, передавая традиции новым поколениям.

Их экспрессивность и образность формируется на базе чеченской языковой картины мира, в поэтике песен ярко отражается специфика этнической концептосферы, связанной с явлениями природы, бытом, историческими событиями. Анализ песен позволяет выявить особенности национального мировидения, этнопсихологии, особенностей национальной метафорики, понять суть национального характера, чаяния и стремления народа по преодолению исторической несправедливости в отношении угнетенных.

Их высокая художественность, глубокое осмысление социальных реалий и стремление к нравственным идеалам делают песни илли бесценной частью культурного наследия чеченского народа и являются важным вкладом в общечеловеческую духовную культуру.

Таким образом, анализ текстов песен илли, зафиксированных в XIX и XX веках, на наш взгляд, позволяет предположить, что лирические песни илли можно рассматривать как отдельный поджанр, имеющий следующие особенности: 1. исполняется только сказителями-мужчинами; 2. не имеет развернутого сюжета или описания события; 3. представляет собой эмоционально-экспрессивную реакцию на определенные исторические события и выражает переживания и чаяния народа о свободе и социальной справедливости; 4. исполняется не в уединении (в отличие от узама), а для слушателей с целью поднять их боевой дух, настроить на сопротивление угнетателям, воспитать достойных защитников родной земли; 5. обладает сложившейся системой образов и символов, основанных на этнокультурной метафорике и базовых концептах чеченской языковой картины мира.

В данном исследовании мы не ставили целью осуществить всесторонний анализ жанровых особенностей этих песен, а лишь, опираясь на тексты, выдвинули соответствующую гипотезу. В дальнейшем мы планируем провести более детальное исследование данной проблемы.

Литература

1. Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев. В кн.: *Сборник сведений о кавказских горцах*. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского; 1868:1–42.
2. Берже А.П. *Чечня и чеченцы*. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк.; 1859:140. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/35648-berzhe-a-p-chechnya-i-chechentsy-tiflis-1859#mode/inspect/page/7/zoom/4> (дата обращения: 10.11.2024).
3. Иваненков Н.Е. Горные чеченцы. В кн.: *Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому Календарю» 1911 г.* Вып. VII. Владикавказ: Типография Терского областного Правления; 1910:234.
4. Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа. В кн.: *Сборник сведений о кавказских горцах. Отд. 3*. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского; 1868:1–43.
5. Яковлев Н.Ф. *Вопросы изучения чеченцев и ингушей*. Грозный: Чечнаробраз; 1927:48.
6. Корзун В.Б. (ред.) *Очерк истории чечено-ингушской литературы*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во; 1963:240.
7. Вертепов Г.А. В горах Кавказа. В кн.: *Терский сборник*. Вып. VI. Владикавказ: Типография Терского Областного Правления; 1903:94–149 [Электронный ресурс]. URL: <https://ua.files.fm/f/kxukv28r/> (дата обращения: 12.11.2024).
8. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев. В кн.: *Терский сборник*. Вып. III. Кн. II. Владикавказ: Типография Терского Областного Правления; 1893:41–132.
9. Лаудаев У.Л. Чеченское племя. В кн.: *Сборник сведений о кавказских горцах*. Вып. VI. Отд. I. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского; 1872:1–62.
10. Эльдарханов Т.Э. *Чеченские тексты. СМОМПК*. Вып. XXVIII. Отд. III. Тифлис: Типографии Канцелярии Его Императорского Величества на Кавказе, К. Козловского и М. Мартиросянца; 1900:1–42.
11. Ахриев Ч.Э. *Из чеченских сказаний. ССКГ*. Вып. 4. Отд. II. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского; 1870:1–33.

12. Услар П.К. *Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык*. Тифлис: Типография канц. Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе; 1888:114–149.
13. Шерипов А.Дж. *Статьи и речи*. Сборник. Изд. 3-е, испр. и доп. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга»; 1990:176.
14. Нажаев А.И., Ибриев С.И. *Чеченские песни*. Грозный: Типо-лит. газ. «Серло»; 1926:48. (На чеченском яз.)
15. Мамакаев М., Асанов Н. (ред.) *Поэзия Чечено-Ингушетии*. Москва: Художественная литература; 1938:82.
16. Арсанов С.А. *Когда познается дружба. Роман*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во; 1979:463.
17. Бадиев С.С. *Рассказы и повести*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во; 1989:296.
18. Мамакаев М.А. *Зелимхан: Роман*. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга»; 1990:224.
19. Ошаев Х.Д. *Пламенные годы: исторический роман: в 3 ч*. Грозный: Чеч.-Инг. книжное изд-во; 1966–1967.
20. Мунаев И.Б. *Поэтика чечено-ингушских героико-исторических песен или: проблемы формирования жанра и его систем связи*: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва; 1981:192.
21. Джамбеков О.А. *Жанровые и поэтические особенности чеченских героико-исторических песен или*. Дис. ... канд. филол. наук. Майкоп; 2008:220.
22. Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. (ред.) *Нохчийн халкъан бартæ холларалла. Ч. 1*. Грозный: АЛЕФ; 2012:423. (На чеченском яз.)
23. Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. (ред.) *Нохчийн халкъан бартæ холларалла. Ч. 2*. Грозный: АЛЕФ; 2012:477. (На чеченском яз.)
24. Gilles F. *Lettres sur le Caucase et la Crimée*. Paris: Gide, libraire-editeur; 1859:138–139. [Электронный ресурс]. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/public/gdcmassbookdig/lettressurlecauc00gill/lettressurlecauc00gill.pdf> (дата обращения: 10.11.2024). (На французском яз.)
25. Тесаев З.А. Турпал-Нахчо (XII–начало XIII в.). В кн.: Магамадов С.С. (ред.) *Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.): Сборник статей. Том I. Книга I*. Грозный: Акционерное общество «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий»; 2020:81–85.
26. Арсанов С.А. (ред.) *Чудесные родники: Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингуш. АССР*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во; 1963:376.
27. Джамалханов З.Дж., Эльмурзаев С.Ч. *Нохчийн иллеш, эшарш (Народные песни, частушки). Том I*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во; 1959:304. (На чеченском яз.)
28. Дикаев М.Дж. Чечено-ингушская народная социально-бытовая лирика. В кн.: *Ученые записки. Серия филологическая*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство; 1968:77–84.
29. Бадиев С.С. (ред.) *Вайн беш (керлин а, ширин а, иллеш а, иешарш а). Наш сад (новые и старые песни или и частушки)*. Сойлж-Гала: НохчГалгИздат; 1935:103. (На чеченском яз.)
30. Мамакаев М.А., Яндиев Дж.Х., Муталиев Х.Ш. *Поэзия Чечено-Ингушетии*. Москва: Государственное изд-во художественной литературы; 1959:278.
31. Чеченцы вне Чечни. В кн.: *Сборник сведений о Терской области. Вып. I*. Владикавказ: Типография Терского областного Правления; 1878:273–276.

References

1. Uslar PK. Something about the verbal works of the highlanders. In: *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis: Print. House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1868:1–42 (in Russian).
2. Berzhe AP. *Chechnya and the Chechens*. Tiflis: Print. House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1859:140 [Web source]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/35648-berzhe-a-p-chechnya-i-chechentsy-tiflis-1859#mode/inspect/page/7/zoom/4> (accessed November 10, 2024) (in Russian).
3. Ivanenkov NE. Mountain Chechens. In: *Terek collection. Literary and scientific supplement to the "Terek Calendar" of 1911*. Iss. 7. Vladikavkaz: Print. House of the Terek Regional Government; 1910:234 (in Russian).

4. Ippolitov AP. Ethnographic essays on the Argunsky District. In: *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Dep. 3. Tiflis: Print. House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1868:1–43 (in Russian).
5. Yakovlev NF. *Issues of studying the Chechens and Ingush*. Grozny: Chechnarobraz Publ.; 1927:48 (in Russian).
6. Korzun VB (ed.) *Essay on the history of Chechen-Ingush literature*. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. House; 1963:240 (in Russian).
7. Vertepov GA. In the mountains of the Caucasus. In: *Tersky collection*. Iss. 6. Vladikavkaz: Print. House of the Tersky Regional Government; 1903:94–149 [Web source]. URL: <https://ua.files.fm/f/kxukv28r/> (accessed December 11, 2024) (in Russian).
8. Dalgat BK. Primitive religion of the Chechens. In: *Tersky collection*. Iss. 3. Book 2. Vladikavkaz: Printing House of the Terek Regional Government; 1893:41–132 (in Russian).
9. Laudayev UL. Chechen Tribe. In: *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Iss. 6. Sec. 1. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1872:1–62 (in Russian).
10. Eldarkhanov TE. *Chechen Texts. SMOMPK*. Iss. 28. Sec. 3. Tiflis: Printing House of the Chancellery of His Imperial Majesty in the Caucasus, K. Kozlovsky and M. Martirosyants; 1900:1–42 (in Russian).
11. Akhriev ChE. *From the Chechen Legends. SSCG*. Vol. 4. Sec. 2. Tiflis: Printing House of the Main Administration. Viceroy of the Caucasus; 1870:1–33 (in Russian).
12. Uslar PK. *Ethnography of the Caucasus. Linguistics. 2. The Chechen Language*. Tiflis: Printing House of the Chancellery of the Commander-in-Chief of the Civil Service in the Caucasus; 1888:114–149 (in Russian).
13. Sheripov AD. *Articles and Speeches*. Collection. 3rd ed., corr. and add. Grozny: Chechen-Ingush Publishing and Printing Association “Kniga”; 1990:176 (in Russian).
14. Nazhaev AI., Ibriev SI (eds.) *Chechen Songs*. Grozny: Typolithographic newspaper “Serlo”; 1926:48 (in Chechen).
15. Mamakaev M, Asanov N. (eds.) *Poetry of Chechen-Ingushetia*. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.; 1938:82 (in Russian).
16. Arsanov SA. *When friendship is recognized. Novel*. Grozny: Chechen-Ingush. Book Publ. House; 1979:463 (in Russian).
17. Baduyev SS. *Stories and novellas*. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. House; 1989:296 (in Chechen).
18. Mamakayev MA. *Zelimkhan: Novel*. Grozny: Chechen-Ingush publishing and printing association “Kniga”; 1990:224 (in Russian).
19. Oshaev KhD. *Fiery years: Historical novel*. In 3 parts. Grozny: Chechen and Ingush Book Publ. House; 1966–1967 (in Russian).
20. Munaev IB. *Poetics of Chechen-Ingush heroic-historical songs illi: problems of formation of the genre and its communication systems*: dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Moscow; 1981:192 (in Russian).
21. Dzhambekov OA. *Genre and poetic features of Chechen heroic-historical songs Illy*. Candidate’s dissertation (Philology). Maykop; 2008:220 (in Russian).
22. Dzhambekov OA, Dzhambekova TB. (eds.) *Chechen folklore. Part 1*. Grozny: ALEF Publ.; 2012:423 (in Chechen).
23. Dzhambekov OA, Dzhambekova TB. (eds.) *Chechen folklore. Part 2*. Grozny: ALEF Publ.; 2012:477 (in Chechen).
24. Gilles F. *Lettres sur le Caucase et la Crimée*. Paris: Gide, libraire-editeur; 1859:138–139. [Web source]. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/public/gdcmassbookdig/lettressurlecauc00gill/lettressurlecauc00gill.pdf> (accessed November 10, 2024) (in French).
25. Tesaev ZA. Turpal-Nakhcho (12th–early 13th centuries). In: Magomedov SS. (ed.) *Historical figures of Chechnya (11th–21st centuries): Collection of articles*. Volume 1. Book 1. Grozny: Joint-Stock Company “Publishing and Printing Complex Grozny Worker”; 2020:81–85 (in Russian).
26. Arsanov SA. (ed.) *Wonderful springs: Tales, fairy tales and songs of the peoples of the Chechen-Ingush ASSR*. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. House; 1963:376 (in Russian).
27. Dzhambekov ZD, Elmurzaev Sch (eds.) *Folk songs, ditties*. Vol. 1. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. House; 1959:304 (in Chechen).
28. Dikaev MZh. Chechen-Ingush folk social and everyday lyrics. In: *Scientific notes. Philological series*. Grozny: Chechen-Ingush Book Publ. House; 1968:77–84 (in Russian).

29. Baduev SS (ed.) Our garden (new and old songs, illi and ditties). Solzh-Giala: NokhchgIalgIzdat Publ; 1935:103 (in Chechen).

30. Mamakaev MA, Yandiev JKh, Mutaliev HSh (eds.) *Poetry of Chechen-Ingushetia*. Moscow: State Publ. House of Fiction; 1959:278 (in Russian).

31. Chechens outside Chechnya. In: *Collection of information about the Terek region. Iss. 1*. Vladikavkaz: Printing House of the Terek Regional Government; 1878:273–276 (in Russian).

Об авторах

Расумов Ваха Шаманович, кандидат филологических наук, доцент кафедры чеченской филологии филологического факультета, ФГАОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова», заведующий лабораторией чеченской филологии ГКУ «Институт чеченского языка», ORCID: 0009-0008-0442-3875, e-mail: vakha66@mail.ru.

Довлеткиреева Лидия Махмудовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, ФГАОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова», ведущий научный сотрудник сектора литературы и фольклора Академии наук Чеченской Республики, ORCID: 0000-0001-8299-5651, e-mail: dlida@inbox.ru.

About the authors

Vakha Sh. Rasumov, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Chechen Philology, Faculty of Philology, A. A. Kadyrov Chechen State University, Head of the Laboratory of Chechen Philology, State Public Institution “Institute of the Chechen Language”, ORCID: 0009-0008-0442-3875, e-mail: vakha66@mail.ru.

Lidia M. Dovletkireeva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, A. A. Kadyrov Chechen State University, Leading Researcher, Sector of Literature and Folklore of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, ORCID: 0000-0001-8299-5651, e-mail: dlida@inbox.ru.

Вклад авторов/Authors' contribution

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию 02.12.2024 / Submitted 02.12.2024

Принята к публикации 15.02.2025 / Accepted 15.02.2025